

Сергей Параджанов рисует Жан-Люка Шледера. Тбилиси. 1980

ЯБЛОЧНЫЕ ПОГОНЫ ГЕНЕРАЛА ПАРАДЖАНОВА

■ **Наири ГАЛСТАНЯН**

С Жан-Люком Шледером я познакомился благодаря поэту и писателю Дени Доникиану, автору одной из первых книг (1980 г.) о Сергее Параджанове «Кони Параджанова», вышедшей задолго до появления обширной литературы о кинорежиссере. Книга вышла во Франции на средства автора и потому – крайне маленьким тиражом. Это поэтическая книга (в жанре поэмы-медитации),

вдохновленная встречей Доникиана с мастером и, кроме того, содержит интервью автора с режиссером. У Доникиана есть еще и прекрасная и, к сожалению, не опубликованная новелла «Проклятый», где автор детально и скрупулезно передает свои впечатления от двух дней, проведенных с маэстро.

История замысла книги по своему героическая: ведь отправляясь в СССР в 1980 г.

на встречу с Параджановым, молодой писатель серьезно рисковал. В Советскую Армению он ездил с 1970 года. Там ему посчастливилось увидеть изначальную версию фильма «Цвет граната» до монтажа, осуществленного Сергеем Юткевичем. А в 1973 г., Доникиан побывал в Киеве, где чуть было не познакомился с Параджановым, за несколько дней до ареста режиссера.

Но вернемся в 1980 год. Уроженец Франции Доникиан получил въездную визу в Армянскую ССР, где проживали его родственники. По прибытии в Ереван, он начал добиваться визы в Грузинскую ССР под видом представителя туристического агентства. И вот удача: двухдневная виза получена, и 12 апреля 1980 г. Доникиан наконец-то приходит к Параджанову в Тбилиси. Тот сидит в компании трех французов: Элен Мартен, Франсуазы Пикар и Жан-Люка Шледера. Все трое – члены гуманитарной организации Amnesty International. Их цель – осведомиться о состоянии преследуемого режиссера. Известно, что и в Киеве, и в Тбилиси дом Параджанова был объектом настоящего паломничества. У мастера постоянно находились разные посетители. Он был самым дерзким, трагичным и скандальным из всех деятелей советского киноискусства. А в 1980 г. до Европы почти не доходила информация с далекого советского Кавказа. Вот уже два года, как Параджанов на свободе, а на Западе все еще ходят нелепые слухи о жутких условиях его жизни и состоянии здоровья. Некоторые даже задаются вопросом, а жив ли Параджанов? Значит, четыре представителя Франции смогут передать в «свободный мир» подлинную информацию из первых уст, фотографические и документальные доказательства... Параджанов понимает ситуацию как никто другой. Визит иностранцев для него – кислород. Встречает он французов (они проведут с ним четыре дня, затем уедут в Армению) по-королевски: угощает шашлыком, одаривает подарками, набрасывает их портреты, ведет их в мастерскую художницы Га-

яне Хачатурян, показывает им могилу Саят-Новы, поднимается с ними по канатной дороге на Тбилисский фуникулер...

Он исключительно разговорчив, но французы почти не понимают по-русски. У них даже нет аппаратуры для записи. Тогда Доникиан становится переводчиком. Но с какого языка? Ведь согласно распространенному мнению, Параджанов «не говорил по-армянски». Задаю этот вопрос Доникиану: да, с Параджановым он общался на армянском, причем режиссер говорил, естественно, на восточном армянском тифлисского розлива (с примесью русских и персидских слов), а не знающий русского языка Доникиан – на западно-армянском диалекте. Конечно, некоторые слова не были понятны ни одному ни другому, но в целом диалог состоялся и даже вылился в полноценное интервью.

Кроме того, с визитерами Параджанов говорил и посредством рисунков. Так, Жан-Люку, знающему со школы лишь несколько слов по-русски, Параджанов объяснил, как важно правильно поставить акцент в словах «писать» и «писаться». И вот готовы рисунки: на первом – Жан-Люк сидит за столом и пишет гусиным пером; перед ним стоит чернильница, на стене висят часы. На втором рисунке – Жан-Люк в очках и с бородой пишет (причинные места четко прорисованы) стоя, прямо на брошенную на пол бумагу, на которой он писал на первом рисунке. Из двух глаголов, семантически не имеющих между собой ничего общего, Параджанов в мгновение ока создал интригу: декорацию, драматургию. Соединять воедино неожиданной и парадоксальной связью изображения – такова была внутренняя потребность режиссера-мистификатора, форма его бытия. «Мне тогда было всего 25 лет, я не знал, как пройдет наша встреча», – рассказывает Шледер. «Он встретил меня, как короля, будто всемирно известным режиссером был я. Это меня поразило, и это чувство изумления осталось на всю жизнь. Он подарил мне кольцо – оно и сейчас со мной. Это единственное кольцо, которое я

когда-либо носил».

Воспоминания Шледера отличаются свежестью восприятия, прямотой речи, где автор без лишних церемоний и приукрашиваний называет вещи своими именами. Восхищенный Параджановым, он тем не менее не искажает слова и факты. «Такси не останавливались на взмах руки Параджанова – уж очень вид у него был странный», – вспоминает Шледер.

«На Тбилисском фуникулере с нами находилась группа военных. Параджанов пальцем «ткнул» куда-то в город и громко сказал в сторону военных: «МАВЗОЛЕЙ. МАМА. ДЕСПОТ!» Он имел в виду могилу матери Сталина. Солдаты посмотрели на нас, но не отреагировали».

«Как-то он остановил такси. Таксист был его другом детства. Параджанов попросил его отвезти меня в Эчмиадзин, но тот отказался: везти иностранца – это чревато неприятностями».

Жан-Люк показывает мне листок бумаги с лаконичным рисунком Параджанова и надписью-рекомендацией:

*Эчмиадзин.
АНАТОЛИ (Секретарь)
(Толик джан – кончай ремонт)
Сергей*

Для Жан-Люка пребывание в СССР в апреле 1980 г. было вторым по счету. В первое свое путешествие в СССР в 1978 г. он посетил Киев, а до Тбилиси, куда уже вернулся только что освобожденный из украинского лагеря Параджанов, не добрался.

«Киев показался мне ужасно мрачным. Молодые маялись от безделья. Я спросил у них, почему они не ходят в кино. «А что там смотреть?», – отвечали они. «Ну, например, можно посмотреть фильмы Параджанова», – возразил я. Один из парней мне ответил, что увидеть фильмы Параджанова не так-то легко, но что он знаком с его сыном, Суrenom, однокурсником по факультету архитектуры. Я решил воспользоваться случаем и попросил познакомить меня с Суrenom, что и произошло в апреле 1978 г. Сурен передал мне несколько коллажей, сде-

ланных его отцом в тюрьме. Я привез их во Францию».

В июле 2020 г. я поехал к Жан-Люку Шледеру в гости в глухую деревушку в департаменте Дром, где он поселился с недавних пор. Жан-Люк достал четыре коллажа из сундука, в котором уже несколько десятилетий хранит многочисленные документы, связанные с Параджановым: десятки диапозитивов, несколько рисунков режиссера, портрет Католикоса всех Армян Вазгена Первого, обрывки бумаг с надписями, сделанными Параджановым, почтовую карточку, подписанную Суrenom, почтовые квитанции на посылки, которые Жан-Люк регулярно посылал Параджанову и т.д. На одной из квитанций от 17 декабря 1982 г. стоит подпись режиссера, затем – «Параджанов с любовью». Можно представить, каким источником надежды были для Параджанова эти весточки из «другого мира».

Среди коллажей – два роскошных букета из засушенных цветов, собранных Параджановым в тюремном дворе. Один – на белом фоне, другой – на чер-

Параджанов, поэт К. Кубанеишвили и Франсуаза Пикар во дворе дома режиссера. Тбилиси. 1980

Коллажи Параджанова

ном. В композиции – движение, скорее легкое трепетание: один букет слегка наклонен вправо, а летящая стрекоза вот-вот приземлится на него. Насекомое «вылеплено» с феерической простотой из небольшого стебля, конец которого разветвляется, и почки образуют усики, а две травинки – крылья.

На следующем коллаже изображено синее пасхальное яйцо со скачущим белым конем в центре, на котором восседает всадник в белом, в головном уборе в восточном стиле. Движение (в каноническом персидском стиле) кажется как бы застывшим, и это – один из

принципов нетипичного параджановского монтажа: превратить только зарождающееся движение в совершенный, иконический образ, то есть уловить изображение при его зарождении, с его полным потенциалом движения и статичности, случайности и вечности, истории и мифа. Перед нами – свидетель того, что заключенный за решетку, униженный и замученный режиссер минимальными средствами воссоздает простоту и естественность своего художественного жеста, демонстрирует величественность лаконичных форм. Эти коллажи – артефакты жизненно необходимого искусства. Без этой возможности сублимировать свою безграничную креативность Параджанов, вероятно всего, не выжил бы в тюремном аду – ни ментально, ни физически.

Четвертый коллаж представляет собой шагающего Деда Мороза (в профиль), с неукрашенной елкой-подарком в руке. Елка, верхняя и нижняя части шубы, рукава, шапка и борода склеены из кусков мешковины – ведь в тюрьме гениальный режиссер шил мешки... Пасхальное яйцо, кстати, также украшено бантом из мешковины. Этот Дед Мороз с всклоченной бородой и импозантной фигурой похож на Параджанова.

«Пасхальное яйцо» и «Дед Мороз» – подарки, отправленные Параджановым жене и сыну, своеобразная форма участия в жизни «по ту сторону зркала», за оградой тюрьмы. Отсутствие в этих тюремных произведениях какой-либо психологической нагрузки является абсолютной победой эстета над трагической судьбой, победа Вечной Красоты над обстоятельствами жизни, поэзии – над политикой.

«Сурен еще подарил мне яйцо, украшенное его отцом», – говорит мне Жан-Люк. Но со временем яйцо испортилось и его пришлось выкинуть. Он показывает мне единственную оставшуюся фотографию яйца: Параджанов нарисовал на нем очень выразительное забавное лицо, с красными глазами, длинными и густыми усами, плавно переходящими в волосы. Кто это – генерал или, может, запо-

рожский казак?..

На фотографиях, снятых Жан-Люком, мы видим Параджанова, прогуливающегося по проспекту Рутавели с парой детских лакированных туфелек в руках. На одной из фотографий, снятых Жан-Люком, из двух долек яблока Параджанов-сатирик сделал себе «погоны» и моментально превратился в «генерала» с волевым пронзительным взглядом... На фотографиях запечатлен также молодой поэт Котэ Кубанеишвили – чувствуется, что они с Маэстро на одной волне.

Жан-Люк вновь встретился с Суреном в апреле 1980 г. в Киеве. Сурен передал Жан-Люку копию семи страниц приговора Параджанову от 25 апреля 1974 г.: пять лет лишения свободы в лагере строгого режима. Жан-Люк уезжает из Киева и 12 апреля прибывает в Тбилиси. Ему удается отвязаться от тургруппы. Он направляется напрямик к Параджанову. «У Параджанова был гость – некий мужчина лет пятидесяти, – вспоминает Жан-Люк. – Параджанов дал тому понять, что пора уходить. С тюком в руках, посетитель моментально вышел, даже не поздоровавшись с нами. Мне сказали, что в СССР духи – прекрасный подарок. У меня был с собой маленький флакон одеколону, который я ему отдал. И вот на моих изумленных глазах он выпил весь флакон залпом! Никогда ничего подобного я не видел», – рассказывает Жан-Люк.

Я был поражен, увидев, как он моет посуду. Наблюдать за этим банальным процессом было очень увлекательно».

«Он умолял меня забрать с собой две бобины, – вспоминает Донилян. – Открыв ящик с серебряной посудой, он хотел в благодарность подарить мне что-то из этих предметов. Это было очень трогательно, но я не мог выполнить его просьбу: это было слишком рискованно».

Это были кинопробы «Киевских фресок», снятые в далеком 1966 г. Мир их увидит много лет спустя после смерти кинорежиссера.

Жан-Люк вручил Параджа-

нову копию приговора, полученную от Сурена, предварительно сфотографировав все страницы, с тем чтобы взять их с собой в Европу. Ему удалось провезти этот документ: к счастью, советская таможня не проверила фотопленку. Во Франции Жан-Люк отпечатал фотодокумент и передал его в Amnesty International. «И больше я никогда ничего об этом документе не слышал», – удивленно замечает Жан-Люк.

Интересно отметить, что лондонская НКО Amnesty International, похоже, так и не использовала этот документ. Имя Параджанова не фигурирует даже в их 300-страничном годовом отчете, появившемся в издании «Мазарин» в 1980 г. и озаглавленном «СССР. Узники совести». Хотя в докладе упоминаются имена многих выходцев с Кавказа, преследуемых советской властью за их действия и политические взгляды: в оглавлении находим имена Звиада Гамсахурдия, Владимира Жвания, Степана Затикяна, Паруйра Айрикияна и т. д. И если эти активисты никогда не пересекались с Параджановым, то украинские националистические активисты Валентин Мороз и Леонид Плющ посещали режиссера в Киеве и были в первых рядах во время скандала с фильмом «Тени забытых предков» в день премьеры в октябре 1965 г. Следовательно, они были напрямую замешаны в «деле Параджанова». Рядом со всеми этими именами настоящих диссидентов Параджанов предстает как совершенно неклассифицируемый персонаж, одиночка, непонятный, стоящий как бы «на обочине».

И все же – как объяснить парадокс отсутствия имени Параджанова в докладе Amnesty International? Тем более, что Плющ утверждает в своей книге «На карнавале истории», опубликованной во Франции в 1977 г., что арест Параджанова напрямую связан с его отказом свидетельствовать против Мороза. Вряд ли Amnesty International могла проигнорировать этот наиважнейший факт. Надо сказать, что текст приговора Параджанова дошел до Запада задолго до крайне ри-

скованных, но в конечном счете бесполезных усилий Жан-Люка Шледера. Параджанов лично передал его в 1979 г. журналистке и психоаналитику Катрин Клеман. Она привезла текст во Францию и опубликовала отрывки в газете «Le Matin de Paris» («Парижское утро») от 13 и 14 октября 1979 г., то есть за полгода до визита Жан-Люка к Параджанову.

Текст приговора не оставляет сомнений в том, что дело было заказным, но тем не менее Параджанова осудили по статье Уголовного кодекса СССР о мужеложстве. Понятно, что судебным преследованием режиссера хотели заставить замолчать. Надо отметить, что в советском обществе к гомосексуалистам, в частности из артистических и художественных кругов, относились весьма толерантно, при условии, что те вели себя тихо и скромно. Что касается Параджанова, он не только прилюдно заигрывал с мужчинами, но и громко заявлял, что он – из того же ряда, что Леонардо да Винчи, Микеланджело, Чайковский и Шекспир! Его устранение с культурной арены, давало, таким образом, возможность решить сразу несколько проблем. Так почему же Amnesty International в конце концов отстранилась от дела Параджанова? Ведь дело это было свидетельством слепой и абсурдной жестокости советского режима...

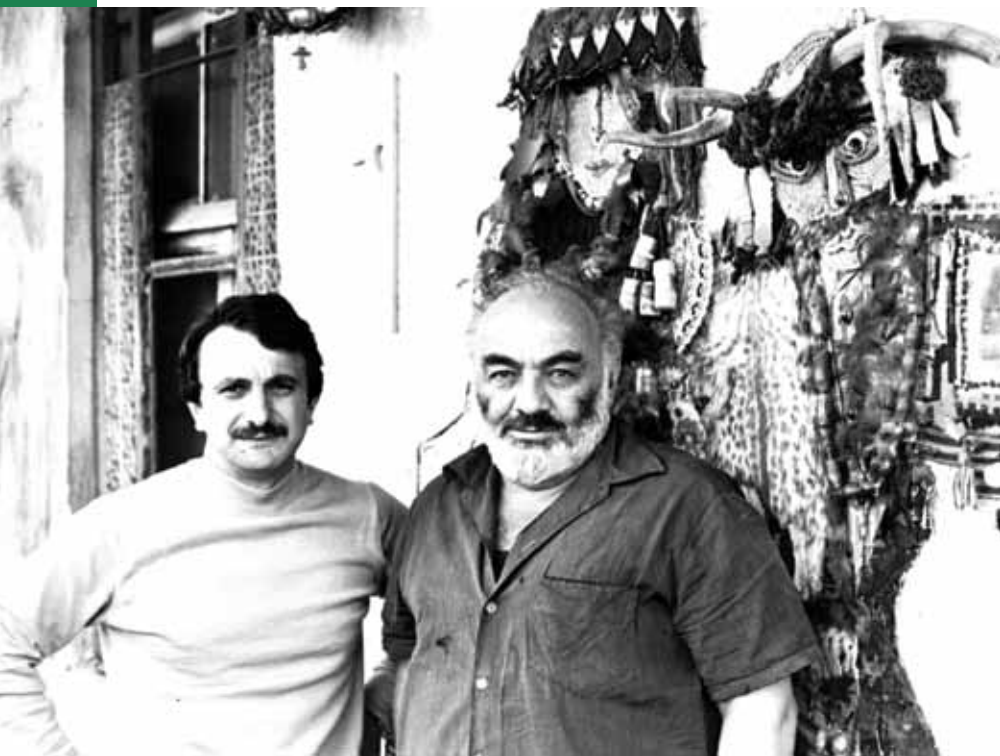
Среди бумаг Жан-Люка имеется рукописное письмо, адре-

сованное ему товарищем, сотрудником Amnesty International. Письмо заканчивается так: «Что касается Параджанова – забыл тебе ответить, моя вина: А. I. не приняла во внимание его дело, ввиду того, что позиция нашей уважаемой организации по вопросу гомосексуализма до сих пор не определена».

Может быть также, что Amnesty International, видя в Параджанове человека непредсказуемого и непокорного, побоялась увязнуть в парадоксах эксцентричного персонажа, которые в итоге оказались бы столь запутанными, что играли бы «против» неправительственной организации. Параджанов был исключительно необычен, не мыслил простыми категориями (черное/белое, злые Советы/ добрый Запад) и пускал в огонь своей игры все, обыгрывал абсолютно все, любые самые сложные понятия. Он видел детали и нюансы человеческих страстей и поведения, как никто другой. Его антисоветские заявления, остроумные шутки артиста, всегда поражавшие слушателей, и, кстати, тщательно фиксировавшиеся КГБ на протяжении многих лет, в реальности не являлись выражением какой-то глубокой ненависти, ни идеологической убежденности или категоричного отрицания идеологии. Тонкость и точность его наблюдений, его, как он говорил, «нежное отношение к вещам», его склонность к игре и мистификациям вряд ли вписывались в перспективу перма-

Коллаж «Дед Мороз»

Параджанов на балконе своего дома с Дени Доникином. 1980

нентной политической борьбы. Ведь политическая борьба наиболее эффективна лишь тогда, когда в ход идут упрощенные символы, простые лозунги, легко запоминающиеся жесты. А Параджанов – человек, оперировавший сложными конструкциями, смыслами, которые открываются постепенно, но бесконечно, не истощаясь.

В конце жизни, в одной из бесед с Завеном Саргсяном, Параджанов сказал: «Я отомщу Украине». На вопрос «Как?», он ответил просто: «Любовью».

Он практически жил с этим парадоксом, доведенным до пароксизма. Как трагичен его крик отчаяния, когда он утверждал, что нынешнее его положение – «хуже смерти». В интервью Доникину Параджанов говорил: «Не иметь права заниматься моей профессией – это наказание. Это второе наказание, более невыносимое, чем первое...»; «Сегодня я не более чем мертвый дух...»; «Если так пойдет и дальше, я покончу с собой».

«Ко мне приезжают со всего мира. Но никто не может сделать так, чтобы я эмигрировал. Потому что у меня нет другого выбора, кроме эмиграции, потому что я хочу работать... Да, я

хочу жить во Франции. Работать во Франции. (...) Во Франции я хотел бы снять фильм о Жанне д'Арк, о Библии, по мотивам новелл Мопассана...».

Горькие слова... В этот период своей жизни, в 1980 г., у него нет средств к существованию, его семья распалась, из Киева его выгнали, а квартиру отобрали. Карьера его разбита. А главное – ему кажется, что он чудом выжил после четырехлетнего срока.

Сурен Параджанов и Жан-Люк Шледер. Киев. 1980

Но Параджанов не был бы Параджановым без своих ежеминутных парадоксов. «Я не диссидент. Нет!», – тут же добавлял он.

В записках Жан-Люка Шледера есть такая цитата: «На вопрос о Сахарове и Солженицыне он отвечает: «Меня это не интересует. Я художник, Солженицын – писатель, историк, очерняющий свою страну, а я показываю, что красиво, вернее, что было красиво здесь, у нас... Поймите меня правильно, я художник, а не диссидент, вот и все! Маркс, Ленин... мне все равно! Повторяю вам, у меня нет политических взглядов, я художник. Я хочу всего лишь иметь возможность самовыразиться как художник».

Однако странно звучат эти слова: «Солженицын – историк, очерняющий свою страну». Это в то время, как Запад триумфально присудил Солженицыну Нобелевскую премию, делая из него знаковый символ борьбы за свободу в СССР? Наверняка, подобное высказывание могло озадачить западных наблюдателей. Неужели парадоксы, которые создавал и культивировал этот гениальный мистификатор и которыми он каждую секунду питал свое творчество, могли быть столь же возмутительны и неприемлемы для «свободного Запада»?

По свидетельству выдающегося тбилисского фотографа Юрия Мечитова, присутствовавшего на последнем судебном заседании по делу Параджанова в Тбилиси в феврале 1982 г.: «Сергей сказал, что он любит советскую власть. Он сказал это искренно, со слезами на глазах, но также искренно он мог ее временами ненавидеть, хотя слово ненавидеть Сергею не подходит.»

О КГБ же он сказал так в интервью одному французскому журналисту: «Это идеальное место и идеальный партнер советского художника для пробуждения гнева и зарождения талантов». Сколько иронии в этих словах, какая точность суждений, как причудливо переплетены комедия и трагедия бытия... У Параджанова имелись большие портреты Брежнева и Ленина. По его словам, он восхищался «артистизмом» Ленина, его жестикуляцией и умением выступать публично... Он утверждал, что творцу необходимо жить на своей родине, несмотря ни на какие трудности, и жестко осуждал эмиграцию Тарковского. Сделать из Параджанова героя борьбы с советской властью не удалось.

Мой визит к Жан-Люку Шледеру состоялся за две недели до тридцатой годовщины смерти Параджанова. При виде этих «новых» коллажей и десятков «новых» фотографий, появившихся словно ниоткуда, я почувствовал себя причастным к очень личному для меня событию, почти сверхъестественному. Восхищение, которое испытывают люди перед Параджановым, давно превратилось в традицию дружбы, растворенной в параджановской мифологии, которой время и пространство – не помеха.

Спустя два месяца (эта статья была уже подготовлена к публикации) вышел клип американской певицы Леди Гаги к ее новой песне «911». В клипе (крайне китчевом с налетом эзотерики), помимо четких визуальных имитаций художественного мира Параджанова, присутствует надпись на армянском языке: «Бдительность». Через несколько дней против

Параджанов во дворе дома. 1980

Армении была развязана беспрецедентная война в Карабахе. Впоследствии, название песни каким-то странным образом совпало с датой (9 ноября) прекращения боевых действий, делая из этой песни некий таинственный посыл, переданный нам опять-таки «через» Параджанова.

Этот проклятый 2020-ый год опечалил нас еще двумя невозполнимыми утратами в параджановской «галактике»: вдова Маэстро Светлана Щербатюк скончалась в Киеве, а затем Завен Саргсян, основатель и директор Дома-музея Параджанова в Ереване, покинул нас.

Но в 2020-м году Параджанов «подарил» нам доселе неизвестные свои работы: два великолепных букета, пасхальное яйцо и Деда Мороза – чистая красота, полная жизни, создан-

ная в аду. И благодаря которой он выжил. Красота, вновь явившаяся нам сорок три года спустя, как предзнаменование на фоне всемирной пандемии коронавирусной инфекции, доказала, что в мифологии не существует случайностей. Если маг продолжает нас одаривать, подумал я, это потому, что он никогда не прекращал с нами «общаться». Ведь ему есть еще что сказать нам о нас самих.

Параджановская традиция одаривать людей вновь напомнила нам о другой ипостаси нашей человеческой сущности. Параджанов возвестил нам о наступлении новой эры для Армении и для мира.

Перевод с французского
Альды ЕНГОЯН